

Моисей Самуилович Альперович

ФРАНСИЯ и ФРАНЦИЯ

(«Парагвайский Робеспьер»

во французской историографии)

Французский ежегодник 1973

М.: Наука. 1975. С.241-259

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

Пожалуй, ни одна латиноамериканская страна не занимала в XVIII в. умы европейцев в такой мере, как Парагвай. Объяснялось это главным образом тем, что именно на территории этой сравнительно небольшой испанской колонии в течение полутора веков существовало так называемое «иезуитское государство». Особый интерес оно (как в период деятельности иезуитов, так и после их изгнания из Испании и ее владений в 1767 г.) вызывало в предреволюционной Франции. О нем писали Монтескье, Дидро, Д'Аламбер, Гельвеций. В знаменитой «Энциклопедии» Парагвай было уделено вдвое больше места, чем вице-королевству Перу — гораздо более крупному по размерам площади и численности населения¹.

Вольтер посвятил три главы романа «Кандид» пребыванию своего героя в иезуитском Парагвае — первой и наиболее значительной стране Америки, куда тот попадает. Он неоднократно касался парагвайских сюжетов и в письмах. Множество серьезных замечаний полемического характера содержалось в пометках, сделанных им на полях трехтомной «Истории Парагвая» иезуита Шарлевуа, вышедшей в 1756 г.²

Но в первой четверти XIX в., когда революционные события в Латинской Америке привлекали внимание всего мира и широко освещались в печати, парагвайская тема фактически исчезла из французской, да и вообще европейской литературы. Причина заключалась в том, что вскоре после провозглашения независимости Парагвая (1811 г.), установления республиканского строя (1813 г.), а затем единоличного правления доктора Франсии (избранного в 1814 г. «верховным диктатором» на 5 лет, а в 1816 г. — пожизненно) страна оказалась отрезанной от внешнего мира. Выезд из нее и въезд иностранцев допускались только по специальному разрешению правительства, торговля с другими государствами резко сократилась и была подчинена жесткой регламентации, переписка с заграницей строго контролировалась и постепенно сошла на нет. В Парагвае не выпускались ни книги, ни периодические издания.

При таких обстоятельствах почти никакой информации о положении в этой республике не поступало. В 1818—1819 гг. в американской и английской прессе промелькнули кое-какие сведения о Парагвае, содержавшиеся в докладах членов дипломатической миссии США на Рио-де-ла-Плате. Но они были чрезвычайно краткими и неточными, так как североамериканские представители сами в этой стране не бывали и писали на основании крайне скудных и тенденциозных данных, полученных в Буэнос-Айресе из источников, не слишком достоверных. Поскольку официальные документы и свидетельства очевидцев отсутствовали, не удивительно, что даже в соседних государствах имели весьма смутное представление об обстановке в Парагвае.

¹ См. G. Kahle. Grundlagen und Anfänge des paraguayischen Nationalbewusstseins. Köln, 1962, S. 175.

² Л. С. Гордон. Вольтер и государство иезуитов в Парагвае. — «Вольтер. Статьи и материалы». Л., 1947, стр. 70—78.

Тем более это относилось к далекой Франции. Правда, французских ученых и путешественников начала XIX в. нельзя упрекнуть в недостатке интереса к Парагваю. Некоторым из них удалось даже побывать там. Но ничего сколько-нибудь существенного о положении в стране они не узнали или во всяком случае не сообщили.

Так, коммерсант Жюльен Мелле, находившийся в Южной Америке и Вест-Индии с 1808 по 1820 г., посетил Парагвай накануне войны за независимость (видимо, в 1808 или 1809 г.). Однако в своей книге «Путешествия в глубь Южной Америки», вышедшей в 1823 г., он касался лишь парагвайской природы, естественных ресурсов и торговли, совершенно не затрагивая социальные и политические вопросы³.

В 1819 г. с разрешения Франции в Асунсьон прибыл бывший капитан императорской гвардии Пьер Сагье, заявивший, что послан всемогущим фаворитом и министром Людовика XVIII Декавом для выяснения возможностей установления торговых отношений с Парагваем. Но поскольку он не предъявил никаких официальных полномочий, подозрительный диктатор счел его шпионом или авантюристом и поспешил выслать⁴.

Парагваем интересовался также известный путешественник и натуралист Огюст де Сент-Илер, объехавший в 1816—1822 гг. Бразилию и присоединенную с ней (под названием Сисплатинской провинции) территорию Восточного Берега, расположенную между р. Уругвай и Атлантическим океаном. При этом ему удалось побывать (видимо, в 1821 г.) в семи бывших иезуитских редукциях, находившихся на левом берегу р. Уругвай и включенных с 1801 г. в состав Бразилии. Однако остальные 23 миссии (на северо-востоке междуречья Параны и Уругвая и по правому берегу Параны) оказались недоступны для Сент-Илера.

По возвращении в Париж он прочитал на заседании Академии наук доклад о своей поездке, в котором утверждал, что до изгнания иезуитов индейцы-гуарани парагвайских редукций процветали. Под властью же сменивших орден испанцев, а затем португальцев, они стали подвергаться жестокому обращению и быстро вымирают. В 1768 г. численность населения вышеуказанных семи миссий составляла, по словам Сент-Илера, 30 тыс. человек, в 1801 г. — 14 тыс., в 1814 г. — 6395, а в 1821 г. — 3 тыс. человек. У индейцев отняли лучшие пастбища и скот, их постройки разрушены, ремесла пришли в упадок, часть жителей голодает. Некогда цветущая провинция находится ныне в плачевном состоянии⁵.

Примерно в то же время, к которому относились наблюдения Сент-Илера, в районе бывших миссий южнее Параны (Мисьонес)⁶ появился другой француз, чье имя хорошо знали в научных кругах Европы и Америки. То был известный ботаник Эме Бонплан — близкий друг Александра Гумбольдта, совершивший вместе с ним в 1799—1804 гг. знаменитое путешествие, часто именуемое «вторым открытием Америки».

В конце 1816 г. он вторично пересек океан и, поселившись в Буэнос-Айресе, несколько лет изучал природу Рио-де-ла-Платы. 1 октября 1820 г. Бонплан направился вверх по Паране в провинцию Корриентес, а оттуда (в июне следующего года) — в Мисьонес. В сентябре 1821 г. он обосно-

³ J. Mellet. Voyages dans l'intérieur de l'Amérique méridionale. Seconde édition. Paris, 1824, p. 25—28.

⁴ P. A. Schmitt. Paraguay und Europa. Berlin, 1963, S. 11—12; J. C. Chaves. El Supremo Dictador. Buenos Aires, 1958, p. 315—317.

⁵ A. de Saint-Hilaire. Aperçu d'un voyage dans l'intérieur du Brésil, la province Cisplatine et les Missions dites du Paraguay. — «Mémoires du Muséum d'Histoire Naturelle», t. 9. Paris, 1822, p. 374—376. Этот же текст почти без изменений был опубликован в качестве введения к труду: A. de Saint-Hilaire. Histoire des plantes les plus remarquables du Brésil et du Paraguay, t. I. Paris, 1824, p. LXII—LXIV.

⁶ Парагвайское правительство считало, что указанная территория (где ранее были расположены 15 иезуитских редукций) входит в его юрисдикцию, но фактически ее не контролировало. По существу юго-восточной и южной границей Парагвая являлась р. Парана.

вался в селении Санта-Ана, расположенном в нескольких километрах от Параны. Организовав здесь небольшую индейскую колонию, Бонплан стал изучать методы разведения и обработки йерба-мате (парагвайского чая). Однако его мирные занятия были вскоре прерваны.

Недоверчивый Франсиа, незадолго до того раскрывший в Асунсьоне антиправительственный заговор, участники которого тайно переписывались с каудильо провинции Энтре-Риос Рамиресом (готовившимся к войне против Парагвая), заподозрил французского ученого в намерении нелегально проникнуть на парагвайскую территорию. Ему показалось, будто Бонплан, поддерживавший дружеские отношения с Рамиресом, подослан последним. По приказу диктатора в начале декабря 1821 г. вооруженный отряд переправился на южный берег Параны и внезапно напал на Санта-Ану. Солдаты перебили часть индейцев, разрушили и сожгли дома, уничтожили плантации, после чего вернулись обратно, захватив с собой Бонплана. Попытаясь оправдать эту акцию, Франсиа заявил, что не мог допустить, чтобы Бонплан наносил ущерб интересам Парагвая, разводя на его территории йерба-мате — продукт, играющий столь важную роль в национальной экономике, — и действуя заодно с врагами республики⁷.

Доставленный в деревню Санта-Мария, расположенную на расстоянии 60 лиг (парагвайская лига — свыше 4 км) к юго-востоку от Асунсьона, ученый получил в дальнейшем разрешение поселиться на близлежащем холме Серрито. Здесь он занимался земледелием и скотоводством, изучал местную растительность, лечил больных индейцев приготовленными им лекарствами, а впоследствии завел ликерно-водочную фабрику, столярную мастерскую, кузницу, лесопильню, наладил изготовление сладостей, которые раз в неделю возил продавать в находившийся неподалеку торговый центр Итапуа. Ему запрещалось удаляться от постоянного места жительства более чем на две лиги.

В августе 1822 г. Бонплан направил местным властям письмо, в котором спрашивал, может ли он надеяться на продолжение своих исследований в Южной Америке или ему предстоит оставаться там, где он находится. В любом случае ученый просил разрешения съездить в Асунсьон, чтобы приобрести кое-какие необходимые вещи. Ответа пришлось ждать около года. Наконец, 23 августа 1823 г. Франсиа распорядился передать Бонплану, что он еще дешево отделался, так как, являясь сообщником бандитов и грабителей, самовольно проникшим на территорию Парагвая, не сидит в тюрьме закованным в кандалы, не говоря уже о более суровом наказании⁸.

Став жертвой произвола Франсиа, будучи по его воле на протяжении многих лет пленником, лишенным свободы передвижения, Бонплан, как ни странно, не испытывал ненависти к диктатору и в дальнейшем очень сдержанно отзывался о нем и о своей жизни в Парагвае. Вспоминая о встрече с ученым в мае 1832 г., через год с небольшим после отъезда Бонплана из Парагвая, шотландский купец У. П. Робертсон, крайне недоброжелательно относившийся к Франсиа, писал: «Г-н Бонплан покинул Парагвай без всякого чувства отвращения к Франсиа, которое, вполне естественно, могли бы вызвать действия последнего, и говорил о нем с философским спокойствием, сожалел лишь снова и снова о том, что нет никаких шансов получить разрешение диктатора на возвращение в Парагвай»⁹. Едва оказавшись за пределами республики, Бонплан сообщил одному из своих буэнос-айресских друзей, что там он «вел жизнь настолько счастливую, насколько это возможно, когда лишен всякой связи со своей страной, семьей и друзьями», а также отметил благожелательное

⁷ Rengger et Longchamp. Essai historique sur la révolution du Paraguay, et le gouvernement dictatorial du docteur Francia. Paris, 1827, p. 114—115.

⁸ J. C. Chaves. Op. cit., p. 319—320.

⁹ J. P. and W. P. Robertson. Letters on Paraguay, Vol. III. London, 1839, p. 289.

отношение к себе со стороны Франции и местных парагвайских властей¹⁰. В письме ботанику Делилю от 8 августа 1832 г. ученый, касаясь пребывания в Парагвае, заметил: «Я столь же доволен и бодр, каким Вы меня знали в Наварре и Мальмезоне. Хотя у меня нет столько денег, меня любят и уважают все, а это для меня подлинное богатство»¹¹. Он с удовлетворением писал Гумбольдту о том, что имел возможность в течение длительного времени непосредственно изучать великолепную флору Парагвая¹².

Вероятно, для человека его склада, поглощенного исключительно наукой и далекого от политики, даже вынужденное пребывание в стране, где он мог заниматься интересными научными изысканиями и пользовался всеобщим уважением окружающих, не являлось большим лишением. К тому же Бонплан не испытывал материальных трудностей. Вопреки утверждению одного из его первых биографов А. Брюнеля, будто в Парагвае ему едва хватало на жизнь¹³, по словам самого ученого, одна врачебная практика уже вполне обеспечивала его средствами к существованию. Но кроме того Бонплан имел довольно крупное, хорошо налаженное хозяйство, где, как указывал он, работало 45 человек, возделывались различные сельскохозяйственные культуры (хлопок, сахарный тростник, цитрусовые, виноград, арахис, йерба-мате, батат и др.), поголовье скота составляло 400 коров, много быков и лошадей¹⁴. Что же касается разлуки с близкими, то нельзя забывать о том, что семейная жизнь Бонплана сложилась неудачно, и он еще в 1820 г. разошелся с женой. Покинув впоследствии Парагвай, ученый не захотел вернуться в Европу и до конца своих дней прожил в Южной Америке, ставшей для него второй родиной.

Поскольку свидетелем похищения Бонплана парагвайскими солдатами был французский негодант Доминик Роген из Монтевидео, весть об этом происшествии быстро разнеслась по провинциям Рио-де-ла-Платы и остальным областям Америки, а спустя некоторое время достигла Европы и, конечно, Франции.

Правительства, государственные деятели, ученые разных стран ходатайствовали об освобождении выдающегося естествоиспытателя. 22 октября 1823 г. президент Колумбии С. Боливар направил Франции послание с просьбой освободить Бонплана¹⁵. Аналогичный характер носило адресованное диктатору Парагвая письмо министра иностранных дел Бразилии Л. Ж. Карвалью-и-Меллу от 11 июня 1824 г.¹⁶ Но все усилия оставались тщетными.

Более того, об участии выдающегося французского натуралиста с момента его ареста ничего не было известно. Отсутствовала и какая бы то ни было газетная или иная информация о Парагвае вообще, хотя интерес к этой далекой стране был в Европе достаточно велик и еще больше возрос (особенно во Франции) в связи с известием о пленении Бонплана.

Во второй половине 1823 г. к А. фон Гумбольдту, жившему тогда в Париже, обратился 47-летний коммерсант из Кале Жан-Батист-Ришар Грансир, несколькими годами раньше побывавший в Южной Америке, где он подружился с Бонпланом. Он заявил, что готов отправиться в

¹⁰ *E. T. Hamy*. Aimé Bonpland, médecin et naturaliste, explorateur de l'Amérique du Sud. Paris, 1906, p. 81—82.

¹¹ *Ibid.*, p. 93.

¹² *R. Bouvier, E. Maynial*. Aimé Bonpland. Paris, 1950, p. 156.

¹³ *A. Brunel*. Biographie d'Aimé Bonpland. Paris, 1859, p. 31.

¹⁴ *E. T. Hamy*. *Op. cit.*, p. 92.

¹⁵ «*Cartas del Libertador*», t. III, Caracas, 1929, p. 264—265. Франция не ответил на это послание.

¹⁶ Оно было вручено адресату только через год с лишним — во второй половине 1825 г. Прочитав его, Франция заявила, что не может удовлетворить просьбу. См. *R. A. Ramos*. La política del Brasil en el Paraguay bajo la dictadura del Dr. Francia. Buenos Aires — Asunción. 1959, p. 120—121.

Парагвай, чтобы вызволить своего друга. Одобрив намерение Грансира, Гумбольдт снабдил его письмом за подписью известного зоолога Жоржа Кювье и других видных членов Института Франции с просьбой об освобождении Бонплана, а также вручил ему пространное послание такого же содержания на имя Франции, написанное им самим. Кроме того, по просьбе Гумбольдта, министр иностранных дел Шатобриан дал Грансиру рекомендательное письмо к французскому генеральному консулу в Рио-де-Жанейро.

В конце года Грансир покинул Францию и в марте 1824 г. прибыл в Бразилию, а в мае — в ее столицу Рио-де-Жанейро. Здесь он добился аудиенции у императора Педру I. 5 июня столичная «*Diário de Rio-Janeiro*» сообщила о цели его поездки и опубликовала интервью с ним. Затем Грансир направился в Буэнос-Айрес, откуда намеревался отплыть по Паране в Парагвай. Но буэнос-айресские власти не дали разрешения и выслали его из города. Тогда он перебрался через эстуарий Рио-де-ла-Плата в Монтевидео, при содействии бразильского генерал-губернатора Лекора поднялся вверх по р. Уругвай и достиг наконец левого берега Параны — юго-восточной границы Парагвая. Переправившись через реку, настойчивый француз 17 августа оказался в парагвайском пограничном городе Итапуа. Но дальше он не мог ступить и шагу без разрешения Франции.

На следующий же день Себастьян Мориниго, являвшийся высшим должностным лицом в Итапуа, уведомил о прибытии Грансира и его желании лично вручить главе государства послание Института Франции своего непосредственного начальника — субделегата округа Мисьонес Норберто Ортельядо, а тот в свою очередь немедленно доложил самому «верховному диктатору»¹⁷.

Вскоре последовал ответ: 25 августа Франция составил пространный меморандум, содержащий перечень обвинений по адресу Франции. Он указывал, что антиреспубликанская позиция правительства Людовика XVIII и его политика по отношению к Испанской Америке, в частности к Парагваю, дают все основания не доверять французам. Диктатор заявлял, будто Бонплан действовал как шпион в сговоре с теми, кто добивался отторжения части парагвайской территории. Выражая сомнения относительно целей миссии Грансира, он склонен был заподозрить его в намерениях, угрожавших спокойствию и безопасности республики¹⁸. Франция приказал довести содержание этого документа до сведения французского эмиссара и потребовать от него в письменном виде исчерпывающих разъяснений по всем поставленным вопросам¹⁹.

Однако, когда Мориниго ознакомил Грансира с указанным меморандумом тот, сославшись на незнание испанского языка, уклонился от ответа по существу и снова попросил разрешения проследовать в Асунсьон, обещая дать требуемые объяснения в устной форме диктатору или его представителю²⁰. В письме на имя Франции, переданном при этом парагвайскому чиновнику, Грансир заверял, что его поездка отнюдь не носит политического характера, а ее единственной целью является установление гидрографических связей между бассейнами Ла-Платы и Амазонки на предмет соединения их при помощи канала (о Бонплане он даже не упоминал).

Получив донесение Мориниго от 2 сентября о беседе с Грансиром и приложенное к нему письмо последнего, Франция 10 сентября распорядилась

¹⁷ J. F. Pérez Acosta. Francia y Bonpland. Buenos Aires. 1942, p. VII—VIII. Субделегат счел дело столь срочным, что поспешил составить донесение Франции сразу же по получении сообщения из Итапуа.

¹⁸ Возможно, у него были для этого основания. См. J. C. Chaves. Op. cit., p. 314—315.

¹⁹ J. F. Pérez Acosta. Op. cit., p. VIII—X.

²⁰ Ibid., p. X—XI.

дился вернуть письмо автору, «заявив ему от моего имени, что... поскольку оно не рассеивает серьезнейших подозрений, вызванных его приездом», он должен покинуть Парагвай²¹. В соответствии с этим предписанием утром 13 сентября Грансир был препровожден на южный берег Параны. За несколько дней до того он имел возможность убедиться — со слов одного соотечественника, жившего по соседству с Бонпланом, — в том, что ученый жив и здоров.

Добравшись до Сан-Боржи (на восточном берегу р. Уругвай), Грансир 23 сентября направил Франции еще одно письмо, в котором от имени Института Франции просил освободить Бонплана. Не дождавшись ответа, он выехал в Рио-де-Жанейро, но в июле 1825 г. вернулся в Сан-Боржу, откуда был вскоре выслан бразильскими властями. Тем временем об освобождении Бонплана безуспешно ходатайствовали британский генеральный консул в Буэнос-Айресе В. Париз и командующий французским флотом на Ла-Плате контр-адмирал Гривель²². Неудача его собственной миссии и других попыток привела Грансира к заключению, что непреклонная позиция Франции объясняется отнюдь не личной враждой к ученому или капризом. У него сложилось впечатление, что, задерживая Бонплана и ушорно игнорируя все просьбы освободить его, диктатор добивается прямого обращения французского правительства либо его официального представителя, которое можно было бы использовать для налаживания отношений с Францией.

Об этом он и написал в сентябре 1826 г., находясь проездом на Мартинике, французскому министру иностранных дел барону де Дама²³. Но правительство Карла X, воздерживавшееся от признания молодых государств Испанской Америки, не предприняло никаких шагов, опасаясь, видимо, что подобный демарш мог бы быть истолкован как признание независимости Парагвайской республики де-факто²⁴.

Хотя Грансиру не удалось выполнить свою задачу, его кратковременное пребывание в Парагвае оказалось далеко не бесполезным. Оно позволило получить ценные сведения об этой таинственной стране. Правда, к тому времени длительное молчание европейской прессы по поводу парагвайских дел было нарушено, причем произошло это внезапно.

«Первой ласточкой» явилась публикация в июльском номере парижского журнала за 1824 г. выдержки из анонимного «частного письма», где рассказывалось о нападении парагвайских солдат на кочонню Бонплана и его аресте, сообщалось о послании Боливара Франции и выража-

²¹ Хотя Франция уверял при этом, будто не знает французского языка, на котором было написано письмо Грансира, и не мог его правильно понять из-за плохого почерка и скверных чернил, текст указанного распоряжения свидетельствует о том, что он прекрасно разобрался в содержании письма. См. *J. F. Pérez Acosta*. Op. cit., p. XI—XII.

²² *E. T. Hamy*. Op. cit., p. 265—266.

²³ *Ibid.*, p. 258—262.

²⁴ П. Шмитт допускает неточность, датируя вышеупомянутое письмо контр-адмирала Гривеля Франции 10 апреля 1827 г. и рассматривая его как результат обращения Грансира к министру иностранных дел (см. *P. A. Schmitt*. Op. cit., S. 15). В действительности оно было написано 10 апреля 1825 г., т. е. почти за полтора года до письма Грансира барону де Дама, на которое французское правительство, видимо, не реагировало. В мае 1829 г. Франция по собственной инициативе велела перевести Бонплана из Серрито в Итапуа, а в середине января 1831 г. разрешил ему переправиться через Парану. 8 февраля Бонплан покинул Парагвай. См. *W. Schulz*. Aimé Bonpland (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Mathematisch-Naturwissenschaftlichen Klasse, 1960, № 9), S. 609. Освобождение Бонплана, возможно, было связано со стремлением парагвайского диктатора установить отношения с правительством Луи-Филиппа, сменившим в результате Июльской революции 1830 г. режим Реставрации. Примечательно, что вслед за Бонпланом (в июле 1831 г.) разрешение выехать из Парагвая получил экипаж судна под командованием французского капитана Поля Сориа, интернированный в 1826 г. См. *P. A. Schmitt*. Op. cit., S. 82; *J. C. Chaves*. Op. cit., p. 350.

лась надежда на успех шагов, предпринятых Институтом Франции и Гумбольдтом²⁵.

В 20-х числах августа в ряде английских газет появилось краткое сообщение, гласившее, что «г-н Бонплан, знаменитый ботаник и спутник Гумбольдта, все еще остается пленником в Парагвае, где он был задержан более двух лет назад»²⁶. Это известие, видимо, было связано с прибытием в Лондон незадолго до того двух парагвайских торговых судов, а также представителя правительства Франции, направленного для переговоров об установлении экономических и иных отношений с Англией. Приезд миссии из Парагвая сопровождался появлением в печати первых более или менее подробных данных об этой республике. 23 августа лондонская «Morning Chronicle» опубликовала большую анонимную статью «Парагвай», автор которой, несомненно, был хорошо осведомлен о положении в стране и склонен к идеализации режима Франции. Статья, написанная, судя по всему, либо самим диктатором, либо кем-то по его указанию, явно приукрашивала парагвайскую действительность и имела пропагандистское назначение. Ее целью являлось не нарисовать правдивую картину событий, происходивших в Парагвае на протяжении десятилетия, а создать благоприятное представление о них в Европе²⁷.

Указанная информация вызвала быстрый отклик во Франции. В конце августа 1824 г. парижские газеты перепечатали упомянутую выше заметку о Бонплане²⁸, а в начале сентября сообщили о пребывании Грансира в Бразилии. В том же месяце последовала публикация текста его интервью, данного в июне «Diario de Rio-Janeiro»²⁹. 22 сентября «Journal de Débats» поместила корреспонденцию из Лондона от 18 сентября о прибытии туда двух кораблей с грузом товаров, отправленных непосредственно из Асунсьона. Она содержала краткий обзор состояния Парагвая (на основе сведений, почерпнутых из очерка «Парагвай»), которое характеризовалось как процветающее³⁰.

Вследствие апологетичности указанного очерка приведенный в нем фактический материал вряд ли можно считать вполне достоверным. Поэтому особое значение приобретает свидетельство такого очевидца, как Грансир, которого никак нельзя заподозрить в стремлении изобразить парагвайскую ситуацию лучшей, чем она была на самом деле.

Свои наблюдения и впечатления Грансир изложил в четырех письмах, отправленных в 1824—1825 гг. из Парагвая и Бразилии. Первые три, написанные в Итапуа (от 18 августа и 10 сентября 1824 г.) и Куритибе (от 20 ноября 1824 г.), были адресованы А. фон Гумбольдту, который во второй половине 1825 г. опубликовал их в штутгартском журнале «Hertha», снабдив введением, заключением и некоторыми примечаниями³¹. Четвертое (из Рио-де-Жанейро), датированное мартом 1825 г., в сентябре того же года было напечатано во французских газетах³², а изложение его появилось на страницах немецкой печати³³.

²⁵ «Journal des voyages», t. 23, 69 cahier. Paris, juillet 1824, p. 120—121. Не исключено, что упомянутая выдержка взята из пока не обнаруженного письма Грансира Гумбольдту, отправленного в июне 1824 г. из Монтевидео.

²⁶ «The Morning Chronicle», 21 August 1824; «The Sun», 21 August 1824; «The Times», 23 August 1824; «The Morning Post», 23 August 1824; «Courrier de Londres», 31 août 1824.

²⁷ Подробнее см.: «Новая и новейшая история», 1969, № 3, стр. 119—123.

²⁸ «Le Constitutionnel», 24 août 1824; «Gazette de France», 26—27 août 1824; «L'Etoile», 26—27 août 1824.

²⁹ «Journal des voyages», t. 23, 71 cahier, septembre 1824, p. 375—377.

³⁰ «Journal des Débats», 22 septembre 1824.

³¹ «Briefe aus Paraguay, mitgetheilt von Alexander v. Humboldt». — «Hertha, Zeitschrift für Erd-, Völker- und Staatenkunde», Bd. 2. Stuttgart und Tübingen, 1825, III, 3, S. 696—707.

³² «Journal des Débats», 9 septembre 1825; «Le Moniteur Universel», 10 septembre 1825.

³³ «Königlich privilegierte Berlinische Zeitung», 17 September 1825; «Politisches Journal». Hamburg, 1825, № 12, S. 1076—1080.

Первое письмо Грансира посвящалось в основном его путешествию от Монтевидео до Итапуа, хотя содержало и кое-какие детали, относившиеся к обстановке в Парагвае (число интернированных иностранцев, торговля с Бразилией и др.)³⁴. В следующем письме он рассказывал о своих переговорах с парагвайскими властями в Итапуа, а также описывал порядки, существовавшие в стране. Противопоставляя Парагвай другим государствам Ла-Платы, Грансир одобрительно отзывался о правительстве Франции, которое, по его словам, обеспечило населению спокойствие и безопасность. Все граждане работают, отмечал он, нищих нет, дети немущих воспитываются на казенный счет, почти все жители умеют читать и писать; сам Франсия — образованный и деятельный человек³⁵. В третьем письме Грансир сообщал, что диктатор запретил ему проезд в Асунсьон и выдворил из Парагвая, а также касался своих дальнейших планов³⁶.

Наиболее обстоятельным с точки зрения характеристики режима Франции было четвертое письмо, где наряду с фактами, изложенными ранее, фигурировали и некоторые дополнительные сведения. Грансир писал, что диктатор «исполняет свои высокие обязанности скорее умело нежели человеколюбиво. Способный администратор, непреклонный государственный деятель, он не только перенял, но и усовершенствовал систему управления иезуитов. Как и они, он изолировал свою империю от всех других государств, но в отличие от них знает, что могут сделать предприимчивость, труд, усердие и просвещение. Так что если он и не хочет, чтобы его народ поддерживал сношения с другими нациями, то во всяком случае не стремится держать его в невежестве и праздности»³⁷.

В письме приводились данные об условиях жизни иностранцев в Парагвае, о народном образовании, о муниципальных органах, об отсутствии преступности и т. д. «Жители производят впечатление людей счастливых и довольных своим правительством, которое на протяжении многих лет обеспечивает им внешний мир и внутренний порядок», — подчеркивал Грансир. По поводу отказа Франции разрешить ему поездку по стране он писал: «Я уважаю мотивы диктатора и не считаю себя вправе жаловаться, хотя и вынужден был сделать крюк в 800 лье, чтобы продолжать свое исследовательское путешествие»³⁸.

Последнее из писем Грансира использовал путешественник и литератор, автор ряда трудов по истории Бразилии и Португалии Фердинанд-Жан Дени, выпустивший в 1827 г. «Краткий обзор истории Буэнос-Айреса, Парагвая и провинций Ла-Платы». В этом сочинении довольно много внимания уделялось Парагваю, в частности, специальный раздел посвящался диктатуре Франции. Изучив почти все написанное о ней (помимо письма Грансира он привлек материалы, изданные в Англии, — упомянутую выше статью «Парагвай» из «Morning Chronicle», книгу английского путешественника А. Колдкля, посетившего в 1819—1821 гг. Южную Америку³⁹), Дени попытался подойти к перечисленным источникам критически. Некоторые приписываемые Франции действия показались ему, по его словам, столь странными и маловероятными, что он не считал себя обязанным упомянуть о них⁴⁰.

Охарактеризовав парагвайский режим как деспотический, отличающийся отсутствием гражданских свобод и прав личности, Дени, вслед

³⁴ «Briefe aus Paraguay», S. 700—702.

³⁵ Ibid., S. 702—704.

³⁶ Ibid., S. 705—706.

³⁷ «Journal des Débats», 9 septembre 1825.

³⁸ Ibidem.

³⁹ A. Coldclough. Travels in South America, during the years 1819—20—21, Vol. I—II. London, 1825.

⁴⁰ F. Denis. Résumé de l'histoire de Buenos-Ayres, du Paraguay et des provinces de La Plata. Paris, 1827, p. XI.

за Гранспиром, подчеркивал, что в Парагвае достигнуты материальный прогресс и общественный порядок, усовершенствована административная система, имеются успехи в области народного образования и т. д.⁴¹

Несмотря на большое значение писем Гранспира как источника ценных сведений о диктатуре Франсии, они довольно скоро были преданы забвению. В начале 30-х годов в исторической литературе ссылки на них еще встречались⁴², но в дальнейшем почти совсем исчезли. Это объяснялось главным образом появлением нового, гораздо более подробного описания правления «верховного диктатора», вытеснившего со страниц трудов о Парагвае беглые заметки Гранспира. Речь идет об известной книге швейцарских врачей И. Р. Ренггера и М. Лоншана.

Основной ее автор — Иоганн Рудольф Ренггер (1795—1832 гг.) — родился в кантоне Ааргау. Он рано осиротел и воспитывался дядей, занимавшим в то время пост министра внутренних дел Гельветической республики (1798—1803 гг.). По окончании университета в Тюбингене, где он изучал медицину и естествознание, молодой Ренггер в течение некоторого времени паходился в Париже и здесь сблизился со своим соотечественником доктором Марселем Лоншаном. Они решили вместе отправиться для естественнонаучных исследований в Парагвай и 1 мая 1818 г. отплыли из Гавра в Буэнос-Айрес. В Корриентес им пришлось свыше 8 месяцев дожидаться возможности продолжать путешествие, завершившееся лишь 30 июля 1819 г. прибытием в Асунсьон.

Несколько дней спустя молодые врачи получили аудиенцию у Франсии. Он принял их весьма благожелательно, разрешил заниматься медицинской практикой и, прощаясь, заверил, что никто не будет им препятствовать в любых занятиях, если только они не станут вмешиваться во внутренние дела государства. Ренггер и Лоншан, по их словам, неизменно следовали этому совету, а диктатор в свою очередь сдержал обещание⁴³. За 6 лет пребывания в Парагвае швейцарцы изъездили почти всю страну, и повсюду власти оказывали им содействие. Изучая природу, флору и фауну, пополняя свои коллекции, они вместе с тем интересовались особенностями политического и общественного устройства, состоянием экономики, положением населения, историей, этнографией и другими сторонами жизни республики. Имея более или менее свободный доступ к Франсии, Ренггер и Лоншан неоднократно беседовали с ним на разные темы. Поскольку к тому же, будучи врачами, они постоянно общались с представителями различных слоев парагвайского общества (особенно в столице и ее окрестностях), им удалось собрать довольно полную информацию о диктаторском режиме и вообще о стране. Этому способствовало и то, что в их распоряжении оказались кое-какие рукописные материалы⁴⁴.

25 мая 1825 г. Ренггер и Лоншан покинули Асунсьон. Судя по всему, они раньше и не пытались это сделать (во всяком случае в их книгах нет упоминаний ни о таких попытках, ни об отказе Франсии выпустить их из Парагвая). В середине июля друзья прибыли в Буэнос-Айрес и в октябре отплыли в Европу, но лишь 25 февраля 1826 г. высадились в Гавре.

После кратковременного пребывания в Париже, где их тепло встретили Гумбольдт и Кювье, Ренггер в середине марта выехал в Аарау — главный город своего родного кантона.

⁴¹ F. Denis, Op. cit., p. 198—207.

⁴² См., напр., P. von Kobbe. Darstellung der Geschichte des Freiheitskampfes im spanischen und portugiesischen America. Hannover, 1832, S. 105. По мнению автора, Гранспир сообщил первые надежные сведения о режиме Франсии.

⁴³ Rengger et Longchamp. Op. cit., p. 59, 170.

⁴⁴ J. R. Rengger. Reise nach Paraguay in den Jahren 1818 bis 1826. Aarau, 1835, S. XV—XVI, XXII, XXXIV; idem. Naturgeschichte der Saeugethiere von Paraguay. Basel, 1830, S. VIII, X. Ренггер владел испанским языком и гуарани.

Спустя год, весной 1827 г., во Франции вышел в свет «Исторический очерк революции в Парагвае и диктаторского правления доктора Франсии», в качестве авторов которого на титульном листе значились Ренггер и Лоншан⁴⁵. Однако в тексте изложение велось от лица первого, им же было подписано предисловие. Ренггер сам перевел французский оригинал на немецкий язык, и почти одновременно с парижским изданием книга была опубликована в Германии.

Являясь первым относительно полным изложением парагвайских событий до середины 20-х годов, она вызвала многочисленные отклики. Уже в июне 1827 г. гамбургский «*Politisches Journal*» (напечатавший в свое время в 1825 г. перевод статьи «Парагвай» из «*Morning Chronicle*» и изложение письма Грансира из Рио-де-Жанейро), публикуя под заголовком «Парагвай и его повелитель доктор Франсия» выдержки из труда Ренггера и Лоншана, комментировал его следующим образом: «На протяжении десяти последних лет в Европу поступали крайне противоречивые сведения о Парагвае и удивительном человеке, который им правит. То д-р Франсия был превосходным патриотом, конституционным законодателем, новым Солоном, то тайным агентом испанской партии, стремящимся восстановить испанское иго, то опять сугубо политическим руководителем, последователем иезуитов и сам иезуитом; ходили даже и принимались на веру слухи о мнимых переговорах относительно присоединения Парагвая к Бразилии. Наконец, мы получаем достоверные сообщения по многим из этих вопросов в сочинении, вышедшем в Париже под названием «Исторический очерк революции в Парагвае и диктаторского правления доктора Франсии»⁴⁶. На страницах сентябрьского номера журнала того же года появился еще ряд отрывков из этой книги⁴⁷. Ее краткое изложение дал в начале 1829 г. А. Метраль в «*Bulletin Universel*»⁴⁸. Она была переведена на разные языки: в 1827 г. вышло английское издание, в 1828 г. в Париже — испанский перевод, а в 1837 г. в Милане — итальянский.

Критически оценивая некоторые стороны деятельности Франсии, Ренггер и Лоншан пытались все же дать о ней более или менее объективное представление. К этому их побуждали, как видно, и собственные политические взгляды. По крайней мере Ренггер, выросший в семье одного из республиканских руководителей Гельветической республики, возникшей под влиянием Великой французской революции, был горячим поборником буржуазно-демократических принципов. Для его убеждений типична следующая запись в дневнике, сделанная им вскоре по приезде в Асунсьон: «Конституционный дух — единственно подходящий для Франции». И далее: «Свобода... подымет наконец свою гордую голову по всей земле; бессмертие тем, кто завоевал ее для грядущих поколений!»⁴⁹ Вместе с тем, находясь в Америке, он, по словам его дяди Альбрехта Ренггера, издавшего посмертно незаконченную племянником книгу «Поездка в Парагвай в 1818—1826 гг.», пришел к выводу, что южноамериканские государства еще не скоро созреют для республиканского строя. «Поэтому, — указывал А. Ренггер, — ему было не трудно признать то хорошее, что пришло стране правление д-ра Франсии, не выражая из-за этого меньшее возмущение чинимыми им насилиями»⁵⁰.

Быстро получив широкое распространение, книга Ренггера и Лоншана надолго стала важнейшим источником изучения диктатуры Франсии, хотя

⁴⁵ *Rengger et Longchamp. Essai historique sur la révolution du Paraguay, et le gouvernement dictatorial du docteur Francia.*

⁴⁶ «*Politisches Journal*», 1827, № 6, S. 552.

⁴⁷ *Ibid.*, 1827, № 9, S. 767—784.

⁴⁸ См. «*Bulletin des sciences historiques, antiquités, philologie*», 7e section du Bulletin Universel, t. XI. Paris, 1829, p. 103—114.

⁴⁹ *J. R. Rengger. Reise nach Paraguay*, S. 407.

⁵⁰ *Ibid.*, S. XXX.

хронологически охватывала лишь ее начальный период. Упомянув о поездке Грансира в Парагвай⁵¹, авторы, видимо, не использовали его письма, во всяком случае приведенные им данные в их труде отсутствуют. А поскольку историки, интересовавшиеся эпохой Франции, черпали фактический материал в 30-х годах преимущественно, а в дальнейшем (вплоть до конца XIX в.) главным образом, из книги Ренггера и Лоншана, письма Грансира (да и вообще его пребывание в Итапуа) обычно не попадали в их поле зрения, тем более что после 1825 г. они не публиковались.

Лишь в начале текущего столетия Э. Т. Ами включил в приложение к биографии Бонплана французский текст «парагвайских» писем Грансира Гумбольдту (с примечаниями последнего) и некоторым другим адресатам⁵². Но поскольку к тому времени исследованием диктатуры Франции стали заниматься почти исключительно парагвайские ученые, они, видимо, не обратили особого внимания на эту французскую публикацию. Только в начале 40-х годов Х. Ф. Перес Акоста в своей работе «Франсия и Бонплан» использовал письмо Грансира от 10 сентября 1824 г. и дал его испанский перевод, а в приложении опубликовал обнаруженную в архиве переписку Франции с властями Итапуа по поводу Бонплана и миссии Грансира⁵³. Лишь после этого указанное письмо вошло в научный оборот и стало цитироваться (со ссылкой на книгу Переса Акосты) другими латиноамериканскими авторами. Однако остальные письма Грансира, в том числе наиболее важное из них, относящееся к марту 1825 г., и поныне остаются забытыми.

* * *

Вплоть до начала 50-х годов прошлого столетия почти все французские авторы, писавшие о диктатуре Франции, характеризовали ее примерно в том же духе, что Ренггер и Лоншан⁵⁴.

Вице-консул Франции в Буэнос-Айресе Эме Роже в донесении министру иностранных дел от 10 августа 1836 г.⁵⁵ обрисовал положение Парагвая в середине 30-х годов. Широко используя книгу швейцарских врачей, он вместе с тем обращался за более свежими данными к немногочисленным парагвайским беженцам в Буэнос-Айресе и купцам, которые вели торговлю парагвайскими товарами. Но из страха перед диктатором, не покидавшего их даже за пределами Парагвая, они информировали французского консула крайне неохотно.

Указывая, что Франсия поработил народ, установил режим произвола, безжалостно расправлялся с противниками, удалил всех способных людей, Роже подчеркивал его исключительную преданность родине, бескорыстие и разумную предусмотрительность. Как отмечал консул, диктатор неустанно заботился об упрочении национальной независимости, навел в

⁵¹ Rengger et Longchamp. Op. cit., p. 120—121.

⁵² E. T. Amy. Op. cit., p. 252—257. Но он не опубликовал мартовское письмо Грансира (1825 г.), а также введение Гумбольдта. О том, насколько забыты были эти документы, свидетельствует следующий курьезный факт: в середине 30-х годов XX в. Ф. Нильсон Рейес сообщил, что в Берлине у одного частного лица обнаружена рукопись якобы неизвестных заметок Гумбольдта о Парагвае, относящихся к 1826 г., и опубликовал краткое изложение... введения Гумбольдта к письмам Грансира, вышедшего в свет в 1825 г. (см. «Petermanns Mitteilungen», Gotha, 1935, Hft. 3, S. 97).

⁵³ J. F. Pérez Acosta. Op. cit., p. 25—27, VII—XV.

⁵⁴ Одно из немногих исключений составляла А. Селье, которая в соответствующем разделе своей «Истории Парагвая» ссылалась только на свидетельства братьев Робертсон (см. ниже), даже не упоминая о книге Ренггера и Лоншана. См. A. Celiez. Histoire du Paraguay, t. 2. Paris, 1841, p. 164—201.

⁵⁵ Этот документ обнаружил в рукописном отделе буэнос-айресской Национальной библиотеки и опубликовал 100 лет спустя (в испанском переводе) парагвайский историк Х. П. Бенитес. См. J. P. Benítez. La vida solitaria del Dr. José Gaspar de Francia, Dictador del Paraguay. Buenos Aires, 1937, p. 262—271.

стране порядок и избавил ее от политической анархии, упростил административный аппарат, положил конец злоупотреблениям судей и чиновников, сурово наказывал преступников, упразднил инквизицию, организовал эффективную охрану границ, обеспечил регулярное поступление доходов в государственную казну. Особенно высоко оценивал Рोजе политику изоляции, без которой Парагвай стал бы, по его словам, жалким придатком аргентинских провинций. В общем, с точки зрения французского дипломата, при всей тяжести ига диктатуры Франсии, прибегавшего к весьма жестким мерам, чтобы заставить парагвайцев выполнять свои предписания, страна обязана была ему сохранением независимости и процветанием⁵⁶.

В последнем томе издания «Заметки, извлеченные из бумаг одного государственного деятеля...» среди трех людей, оказавших, по мнению автора, наибольшее влияние на судьбы народов Южной Америки, наряду с Бولیваром и бывшим бразильским императором Педру I фигурировал и Франсия — «если не самый блестящий, то по крайней мере самый необыкновенный человек нашей эпохи». Отмечая, что с момента установления пожизненной диктатуры его деспотизм ничем не ограничен и он поддерживает свою власть при помощи внушаемого им страха, автор вместе с тем подчеркивал, что диктатор добился процветания Парагвая и роста производства, обусловленного полной изоляцией страны. Он считал Франсию единственным человеком, способным управлять парагвайским государством, которого, может быть, не любили, но уважали и боялись; заявлял, что «верховный диктатор» приучил народ к трудолюбию и дисциплине, привил ему высокие нравственные качества. Парагвай мог бы, с его точки зрения, стать со временем образцом для всей Южной Америки⁵⁷.

Значительное внимание уделил парагвайской революции и диктатуре Франсии Цезарь Фамен в своей книге «Чили, Парагвай, Уругвай, Буэнос-Айрес». Изображая диктатора человеком, в котором причудливо сочетались хорошие и дурные качества, он склонен был объяснять последние определенными внешними обстоятельствами. Так, по его словам, Франсия проявлял подозрительность и нетерпимость только по отношению к тем, кто намеревался, как ему казалось, вмешиваться в государственные дела. Опасения внушали ему и попытки иностранцев, особенно французов, проникнуть в Парагвай. Жестокость и неумолимость диктатора, казни и пытки, шпиономанию Фамен рассматривал как ответную реакцию на подрывную деятельность заговорщиков и других действительных или мнимых врагов диктатуры. Вместе с тем он придавал большое значение воздействию на организм Франсии влажного и теплого северо-восточного ветра, вызывавшего у него якобы приступы ипохондрии. В таком состоянии диктатор был будто бы способен на самые неожиданные поступки и крайности⁵⁸.

Фамен отмечал успехи, достигнутые при Франсии в развитии сельского хозяйства, ремесла, промышленного производства, строительства дорог, борьбе с преступностью, распространении грамотности населения, одобрительно отзывался об антиклерикальных мерах парагвайского правительства⁵⁹.

⁵⁶ J. P. Benítez. Op. cit., p. 262—271.

⁵⁷ «Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat sur les causes secrètes qui ont déterminé la politique des cabinets dans les guerres de la Révolution», t. 13. Paris, 1838, p. 147—149. Полемизируя 10 лет спустя с автором, парагваец Х. А. Хельс утверждал, будто он восхвалял Франсию только потому, что был убежденным сторонником абсолютизма и титул диктатора являлся для синонимом неограниченной власти. См. J. A. Gelly. El Paraguay. Lo que fué, lo que es y lo que será. Paris, 1926, p. 94—95 (1-е изд. — 1848 г.).

⁵⁸ C. Famin. Chili, Paraguay, Uruguay, Buenos-Ayres. Paris, 1840, p. 42, 43, 47—48. Раздел об эпохе Франсии написан в 1834 г.

⁵⁹ Ibid., p. 45—46, 48.

Указывая на противоречивость облика Франсии, Фамен писал: «Простой, честный, бережливый по характеру, он внешне выглядел хитрым, жестоким, подозрительным; высокомерный и непреклонный по отношению к богатым и высокопоставленным, добрый и непринужденный со своими слугами и цирюльником; умелый администратор, нестигаемый государственный деятель, друг своей страны, тиран своих подданных, он принес в жертву настоящее, чтобы обеспечить будущее. Он заботился исключительно об общественном благе, и сострадание никогда не влияло на его политику»⁶⁰.

Оценка диктатуры Франсии, утвердившаяся с легкой руки Рентгера и Лоншана во французской исторической литературе, а также, как можно полагать, апологетический очерк Т. Карлейля «Д-р Франсия» (вышедший в 1843 г.) побудили Огюста Конта включить парагвайского диктатора в свой «Позитивистский календарь». Он поместил его, наряду с Боливаром, Франклином, Вашингтоном, Джефферсоном, в четвертую неделю 12-го месяца (посвященного современной политике), возглавляемую Кромвелем⁶¹.

Французский дипломат Альфред де Броссар посетил страны Ла-Платы в 1847 г. в качестве атташе при чрезвычайной миссии графа Валевского. По возвращении на родину он выпустил книгу, в которой изложил свои наблюдения. Поскольку в Парагвае ему тогда побывать не пришлось, Броссар писал об этой стране преимущественно на основе данных Рентгера и Лоншана⁶². Хотя, по его мнению, с возрастом и под влиянием боязни заговоров Франсия стал все более сурово расправляться с противниками или теми, кого считал таковыми, он полагал, что в целом правление диктатора принесло пользу Парагваю, особенно с точки зрения экономического развития. Броссар хвалил его и за то, что «он научил свой народ нелегкому искусству повиновения»⁶³.

В апреле 1851 г. капитан первого ранга Т. Ф. Паж опубликовал статью «Парагвай и республики Ла-Платы», где основное внимание уделил эпохе Франсии. С именем «верховного диктатора» он связывал провозглашение независимости Парагвая, подъем земледелия и скотоводства, создание боеспособной и надежной армии, укрепление государственных границ, удаление представителей имущих классов из административного аппарата, вооруженных сил, судебных и муниципальных органов, сферы торговли⁶⁴. Однако, если первоначально Франсия правил, по словам Пажа, справедливо, то в дальнейшем он стал чрезвычайно жесток и превратил террор в единственное средство воздействия на народ⁶⁵.

Некоторые черты жизни Парагвая под властью Франсии были описаны в пятитомном труде, подводившем итоги научной экспедиции в Южную Америку (1843—1847 гг.), организованной по распоряжению французского правительства. Ее руководитель Ф. де Кастельно, добравшись в начале 1845 г. до форта Олимпю, на парагвайской границе, пытался получить разрешение на въезд в Парагвай, однако безуспешно. Поэтому в упомянутом выше сочинении, вышедшем в начале 50-х годов, можно было найти довольно мало сведений о режиме Франсии (главным образом отдельные детали, касавшиеся организации военной службы), да и то полученных из вторых рук⁶⁶.

⁶⁰ *C. Famin. Op. cit., p. 52.*

⁶¹ *A. Comte. Calendrier positiviste, ou système général de commémoration publique. Paris, Avril 1849, p. 34.*

⁶² Впоследствии он был назначен французским консулом в Асунсьоне и провел в Парагвае несколько лет (1858—1861 гг.).

⁶³ *A. de Brossard. Considérations historiques et politiques sur les républiques de la Plata dans leurs rapports avec la France et l'Angleterre. Paris, 1850, p. 134, 140.*

⁶⁴ *T. Page. Le Paraguay et les républiques de la Plata.— «Revue des deux mondes», t. X. Paris, 1851 (1 avril), p. 131, 133, 142—143.*

⁶⁵ *Ibid., p. 144.*

⁶⁶ *F. de Castelnau. Expédition dans les parties centrales de l'Amérique du Sud... Histoire du voyage, t. II. Paris, 1850, p. 423, 425—428.*

Но один из спутников Кастельно, Альфред Демерсэ, вместо того, чтобы следовать с остальными участниками экспедиции в Буэнос-Айрес, остался в пограничной с Парагваем провинции Корриентес и в дальнейшем при содействии бразильского посла в Асунсьоне получил все же разрешение на въезд в Парагвай. Здесь он провел более года (1846 г. и начало 1847 г.), причем имел возможность свободно разъезжать по стране, изучать архивные и другие материалы.

На основе собранных данных, а также ряда ранее опубликованных источников Демерсэ написал большую статью о Франции для нового издания «Всеобщей биографии» Мишо⁶⁷. Дополненный текст ее он включил впоследствии (опустив некоторые малосущественные подробности) в двухтомный труд по истории Парагвая, выпущенный им в первой половине 60-х годов. Помимо специального раздела «Революция и диктатура»⁶⁸, Демерсэ посвятил периоду 1810—1840 гг. и многие другие страницы книги.

В отличие от своих соотечественников, писавших о Франции раньше, он давал парагвайскому диктатору весьма негативную оценку. Правда, Демерсэ признавал, что Франция добилась роста численности населения, подъема земледелия, увеличения поголовья скота, повышения качества промышленной продукции⁶⁹. Но вместе с тем, противореча сам себе, обвинял его в том, что тот не использовал свои способности и неограниченную власть для материального и духовного развития страны⁷⁰. Правление Франции Демерсэ рассматривал как «тиранию, беспрецедентную в мировой истории»; утверждал, будто при нем парагвайский народ страдал «под ярмом самого своенравного деспотизма»⁷¹. «Отождествляя себя с государством,— писал о Франции Демерсэ,— деспот стал объявлять изменником родины каждого, кто осмеливался противиться его приказаниям; самая легкая критика его правительства, безобидное, но дурно истолкованное слово наказывались смертным приговором, немедленно приводившимся в исполнение»⁷².

Подобная сугубо отрицательная характеристика диктатуры Франции объяснялась тем, что, заимствуя фактический материал главным образом из книги Ренггера и Лоншана (которую он очень хвалил за достоверность), автор при освещении и обобщении фактов исходил преимущественно из их критических высказываний, а также враждебных Франции публикаций конца 30-х — 40-х годов: шотландских купцов братьев Робертсон, английского дипломата В. Пэриша, участника революционных событий в Парагвае и Буэнос-Айресе П. А. Сомельеры, парагвайского поверенного в делах при бразильском дворе Х. А. Хельи⁷³.

Последний из названных трудов, равно как и книга Демерсэ, послужил основным источником соответствующей главы («Формирование парагвайской нации. Первый период.— Диктатура Франции») объемистой работы Бенжамена Пуселя «Современный Парагвай». Автор — почетный член Императорского зоологического общества в Париже — много време-

⁶⁷ A. D-m-y. Francia.— «Biographie Universelle ancienne et moderne». Nouvelle édition, t. 14. Paris, 1856, p. 613—625.

⁶⁸ A. Demersay. Histoire physique, économique et politique du Paraguay et des établissements des Jésuites, t. II. Paris, 1864, p. 341—395.

⁶⁹ Ibid., p. 393—394.

⁷⁰ Ibid., p. 393.

⁷¹ Ibid., p. 65, 349.

⁷² Ibid., p. 363.

⁷³ J. P. and W. P. Robertson. Letters on Paraguay, Vol. I—III. London, 1838—1839; W. Parish. Buenos Ayres and the Provinces of the Rio de la Plata. 2nd ed. London, 1852 (1-е изд. 1839); «Notas del doctor don Pedro Somellera à la introducción que ha puesto el doctor Rengger à su ensayo histórico sobre la revolución del Paraguay».— «Documentos del archivo de Belgrano», t. III. Buenos Aires, 1914, p. 313—340; J. A. Gelly. Op. cit.

ни провел на Рио-де-ла-Плате, но в самом Парагвае не бывал. С его точки зрения диктатура Франции, несмотря на определенные достижения (предотвращение анархии, национальная консолидация), означала кровавый деспотизм, произвол, варварство и т. п.⁷⁴ Он объяснял установление и сохранение подобного режима в течение 26 лет присущим парагвайцам уважением к власти, которое им сумели в свое время внушить отцы-иезуиты⁷⁵.

Книга Б. Пуселя вышла в свет в разгар кровопролитной Парагвайской войны (1864—1870 гг.), имевшей роковые последствия. Потерпев поражение в борьбе против превосходящих сил тройственной коалиции — Аргентины, Бразилии и Уругвая, Парагвай был оккупирован войсками победителей, разорен и опустошен. На полях сражений, вследствие террора оккупантов, от голода и болезней погибло примерно три четверти населения. Бразилия и Аргентина отторгли почти половину парагвайской территории и наложили на Парагвай огромную контрибуцию. В результате понесенных людских и территориальных потерь, лишенный необходимых материальных ресурсов, он был отброшен далеко назад в своем развитии и превратился в одну из самых отсталых и малонаселенных стран Латинской Америки.

Видимо, в связи с этим интерес к Парагваю и, в частности, к эпохе Франции за пределами Америки заметно упал.

Во французской исторической литературе последней трети XIX в. можно было встретить лишь краткие описания парагвайских событий 1810—1840 гг., выдержанные в традиционном односторонне негативном духе, доминировавшем в историографии с 40-х годов. Так, Альфред Деберль в своей «Истории Южной Америки», вышедшей в 1876 г., характеризовал диктатуру Франции как «азиатскую тиранию». В деятельности диктатора, по словам автора, находили выражение его «кровавая натура», «деспотические и жестокие инстинкты», «ненасытная жажда власти» и т. п. Политика Франции, утверждал Деберль, отнюдь не способствовала развитию сельского хозяйства, торговли и промышленности⁷⁶.

На страницах 12-томной «Всеобщей истории с IV века до наших дней» под редакцией Э. Лависса и А. Рамбо, изданной на рубеже XIX и XX вв., Антонен Дебидур, замечая, что при Франции Парагвай наслаждался миром, добавлял: «Но таким миром, какой способны дать народу отупение, поддерживаемое соответствующим воспитанием, и полное равнодушие к свободе, к славе и прогрессу. Негры по-прежнему оставались рабами; что же касается индейцев и метисов, они продолжали прозябать в невежестве и покорности, к чему приучили их иезуиты... Белое население, окруженное шпионами и терроризованное, дрожало перед этим подозрительным правителем». В заключение Дебидур признавал, что Франция «желал счастья своему народу, но намерен был создать это счастье сам и на свой лад»⁷⁷.

В связи с более объективным подходом к оценке парагвайской революции и диктатуры Франции, проявившимся с конца прошлого столетия прежде всего в исследованиях парагвайских историков, возникла необходимость выявления идейных истоков социально-политических взглядов Франции. В процессе изучения этого сложного вопроса обнаружилось несомненное влияние на Францию идей французских просветителей XVIII в., Великой французской революции и ее последствий.

⁷⁴ B. Poucel. Le Paraguay moderne et l'intérêt général du commerce. Marseille, 1867, p. 40, 82—83.

⁷⁵ Ibid., p. 98—99.

⁷⁶ A. Deberle. Histoire de l'Amérique du Sud. 3 éd. Paris, 1897, p. 230—241. (Русский перевод: А. Деберль. История Южной Америки. СПб., 1899, стр. 313—328.)

⁷⁷ «История XIX века», под редакцией профессоров Лависса и Рамбо. 2-е изд., т. 4. М., 1938, стр. 285.

Современники «верховного диктатора», в том числе и лично встречавшиеся с ним, отмечали его явные симпатии к Франции. Идентичность его фамилии испанской транскрипции названия французского государства не являлась простым совпадением. По словам Ренггера и Лоншана, отец диктатора был француз, в молодости уехавший в Португалию, а оттуда — в Парагвай, где женился на местной креолке. Франсиа любил повторять, что в его жилах течет французская кровь⁷⁸. Правда, П. А. Сомельера, находившийся в Парагвае с 1807 по 1811 г. и близко знавший Франсию, утверждал, будто его отец являлся уроженцем Бразилии и носил имя *García Rodríguez Franza*, которое сын переделал на *Francía*⁷⁹. Это мнение разделяет ряд современных парагвайских историков, включая автора наиболее обстоятельной работы о Франсиа Х. С. Чавеса⁸⁰. Как бы то ни было, диктатор хотел, чтобы его считали по крайней мере наполовину французом⁸¹.

В библиотеке Франсиа имелись произведения Вольтера, Руссо, Рейналя, Роллена, Лалласа и другие французские издания. Этот факт, а также то обстоятельство, что диктатор сумел, как указывалось выше, прочитать письмо Грансира, подтверждают замечание последнего о том, что Франсиа владел французским языком⁸². Он восторгался Наполеоном и сожалел о его падении, хранил в кабинете портрет своего кумира, стремился подражать ему, вплоть до одежды⁸³. В частности, предлагая систему консулата, Франсиа, по словам большинства историков, вдохновлялся именно примером Наполеона. Да и весь его путь к неограниченной власти, постепенное возвышение — участие в триумvirате и Правительственной хунте (в качестве одного из членов, фактически игравшего главную роль), избрание консулом, назначение «верховным диктатором республики» на пятилетний срок и, наконец, установление пожизненной диктатуры — во многом напоминали стремительную политическую карьеру и методы великого корсиканца.

В то же время Франсиа отрицательно относился к режиму Реставрации, осуждал политику и идеологию монархии Бурбонов как враждебные республиканским принципам и системе представительного правления, выражал возмущение по поводу вторжения в Испанию армии герцога Ангулемского и подавления испанской революции.

Все это свидетельствует о том, что Франсиа был не просто франкофилом, что ему импонировали не Франция как таковая, а определенные идеи и институты Великой французской революции, деятельность Наполеона, которого он, видимо, считал ее продолжателем. Не случайно парагвайский конгресс 1813 г. припал в качестве национального флага трехцветный красно-сине-белый флаг Французской республики.

Историки, изучавшие диктатуру Франсиа, сравнивали его иногда с некоторыми французскими государственными деятелями. Так, по мнению Ц. Фамена, а вслед за ним А. Деберля, он очень напоминал Людовика XI, парагвайский ученый С. Баэс усматривал в нем сходство с кардиналом Ришелье⁸⁴. С точки зрения Ренггера и Лоншана, Франсиа имел много общего с Наполеоном, но они не пошли дальше весьма поверх-

⁷⁸ *Rengger et Longchamp. Op. cit., p. 7—8.*

⁷⁹ См. «*Documentos del archivo de Belgrano*», t. III, p. 333—334.

⁸⁰ *J. C. Chaves. Op. cit., p. 21.* См. также: *F. R. Moreno. Origen del Dr. Francia.* — «*Historia Paraguaya*», 1958, № 3, p. 19.

⁸¹ Стремясь продемонстрировать франкофильство Франсиа, некоторые авторы доходят подчас до курьезов. Так, Деберль утверждал (неизвестно на каком основании), будто в возрасте 70 лет он женился на молодой француженке. См. *A. Deberle. Op. cit., p. 238.*

⁸² «*Briefe aus Paraguay*», S. 704.

⁸³ *Rengger et Longchamp. Op. cit., p. 55, 59—60.*

⁸⁴ *C. Famin. Op. cit., p. 52; A. Deberle. Op. cit., p. 106, 238; C. Báez. Ensayo sobre el doctor Francia y la dictadura en Sud-América. Asunción, 1910, p. 116, 121.*

ностных сопоставлений⁸⁵. Касаясь проведенной ими аналогии, Деберль, писавший свою книгу под свежим впечатлением разгрома и краха Второй империи, заметил, что, хотя и парагвайский диктатор, и Наполеон были тиранами, первый представлял собою сравнительно меньшее зло: «Наполеон являлся шагом назад для великолепной Франции 89 г., Франция же означал прогресс для бедного Парагвая 1811 г.»⁸⁶

Признавая влияние Наполеона на Францию, современный американский историк О. К. Штёцер полагает, что оно не было глубоким и сводилось скорее к чисто внешнему подражанию наполеоновским методам и моделям государственного устройства, тогда как по существу своему парагвайская диктатура была некой разновидностью «просвещенного деспотизма»⁸⁷.

Особый интерес вызывают попытки провести параллель между Францией и Робеспьером. Имя вождя якобинцев довольно часто упоминалось в ходе испаноамериканской революции первой четверти XIX в. Для радикального течения в лагере патриотов оно являлось символом революционной стойкости и непримиримости, для представителей умеренного крыла освободительного движения, не говоря уже о роялистах, — синонимом кровавого террора, тирании, хаоса. Если Мариано Морено, занимавшего в буэнос-айресской хунте 1810 г. крайне левую позицию, враги и политические противники рассматривали как последователя Робеспьера, то ветеран борьбы за независимость испанских колоний венесуэлец Франсиско Миранда настойчиво предостерегал против перенесения робеспьеристско-якобинских идей и методов на американскую почву. Отрицательную оценку Робеспьера разделял и Симон Боливар⁸⁸.

Что касается Франции, то некоторые его действия вызывали аналогию с выдающимся французским революционером еще у современников. Так, в начале 20-х годов испанцы де лос Риос и Гевара, возмущаясь репрессиями, последовавшими за раскрытием антиправительственного заговора в Асунсьоне, пророчили диктатору участь Робеспьера⁸⁹.

Много лет спустя один из первых серьезных исследователей диктатуры Франции, С. Базз, высказал мнение о духовном родстве последнего с руководителем якобинцев, подчеркнув, однако, что их историческая роль была разной⁹⁰. В более поздней работе он характеризовал Францию как фанатика типа Робеспьера⁹¹. Гораздо определеннее высказался французский историк Рене Бувье, опубликовавший в начале 30-х годов очерк о Франции под названием «Парагвайский Робеспьер»⁹². Но никакой аргументации в пользу правомерности подобной характеристики (дополненной в тексте эпитетом «Робеспьер Южной Америки») статья не содержала, что не помешало ей привлечь внимание историков.

Она оказала влияние, в частности, на видного советского латиноамериканиста В. М. Мирошевского, в архиве которого сохранился даже ее русский перевод⁹³. Думается, что его утверждение, будто Франция

⁸⁵ Rengger et Longchamp. Op. cit., p. 293—294. По этому поводу см. крайне ядовитую реплику Демерсе (A. Demersay. Op. cit., t. II, p. 395).

⁸⁶ A. Deberle. Op. cit., p. 241.

⁸⁷ O. C. Stotzer. El pensamiento político en la América Española durante el periodo de la emancipación (1789—1825), vol. II. Madrid, 1966, p. 70, 96—99, 109.

⁸⁸ См. М. Kossok. Bemerkungen zum zeitgenössischen Robespierrebild in Spanisch-Amerika. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1966, Hf. 3, S. 433—435.

⁸⁹ F. Wisner. El Dictador del Paraguay José Gaspar de Francia. Buenos Aires, 1957, p. 96. Оба были арестованы и казнены.

⁹⁰ C. Báez. Op. cit., p. 76.

⁹¹ C. Báez. Historia colonial del Paraguay y Rio de la Plata. Asunción, 1926, p. 181.

⁹² R. Bouvier. Albuquerque. Le lancement d'une affaire coloniale au grand siècle. Le Robespierre du Paraguay. Paris, 1932, p. 109—150.

⁹³ См. Б. Н. Комиссаров. Архив В. М. Мирошевского. — «Записки отдела рукописей, ГЛБ», вып. 28. М., 1966, стр. 43.

являлся вождем «парагвайской революционной демократии», который в течение четверти века возглавлял «революционно-демократическое правительство, опиравшееся на крестьянство и городскую мелкую буржуазию»⁹⁴, отчасти, если не в значительной мере, навеяно очерком Бувье.

Автор одной из лучших монографий о диктатуре Франсии, парагвайский историк Х. П. Бенитес, посвятил сравнению своего героя с Робеспьером специальный раздел работы, озаглавленный: «Два ученика Жан-Жака: Максимильтен и Хосе Гаспар»⁹⁵. Отмечая известное сходство взглядов того и другого, формировавшихся под воздействием учения Руссо, он указывает, что их деятельность протекала в совершенно различных условиях, осуществлялась разными методами и преследовала отнюдь не одинаковые цели. Франсия вдохновлялся, по словам Бенитеса, не идеалом всеобщего счастья в стране, управляемой на основе «общественного договора», а стремлением к созданию независимого тоталитарного государства, полностью контролирующего все сферы жизни общества. Будучи по своему мировоззрению последователем Руссо, он вместе с тем считал, что для замены старого социального строя более справедливым, основанным на идеях эгалитаризма, в американских условиях необходимо установить просвещенную диктатуру и облагодетельствовать народ сверху, не обращаясь к нему за поддержкой, а демократические свободы и институты не нужны⁹⁶.

Конечно, многое в парагвайской действительности первой половины прошлого столетия и практической деятельности «верховного диктатора» в корне противоречило принципам Просвещения и Великой французской революции. Однако анализ документов, выпавших из-под пера Франсии (особенно на раннем этапе его политической карьеры), его выступления и поступков отчетливо обнаруживает несомненное влияние «Общественного договора» и других сочинений французских просветителей, а также идей, событий и даже фразеологии Французской революции. Убежденный республиканец, он в принципе высказывался в пользу народного суверенитета, неотъемлемых прав человека, свободы воли, равенства всех людей⁹⁷ и не претворял в жизнь эти идеи, обосновывая это тем, что считал парагвайский народ недостаточно подготовленным к их восприятию.

М.Альперович. Испанская Америка в борьбе за независимость
http://powder-magazine.ucoz.net/load/knigi_i_statii/istorija_istmat/alperovich_ms_iskanskaja_amerika_v_borbe_z_vezavisimost/3-1-0-10

⁹⁴ В. Мирошевский. Хосе-Гаспар Франсия — вождем парагвайской революционной демократии (1814—1840). — «Вопросы истории», 1946, № 4, стр. 68—69. Статья опубликована посмертно.

⁹⁵ J. P. Benítez. Op. cit., p. 73—77.

⁹⁶ Ibid., p. 85—86.

⁹⁷ См. C. Báez. Ensayo sobre et docteur Francia... p. VI, 78, 110, 121.